

5. Hufte O. Politische Gerechtigkeit / O. Hufte. – Fr. – am – Main: Suhrkamp Verlag, 1987.

6. Чукин С. Г. Проблема справедливости в философском дискурсе постмодерна / С. Г. Чукин. – Санкт Петербург: С. Петербург. гос. ун-т, 2000. – 323 с.

REFERENCES:

1. Giddens E. Posledstviya modernitu / E. Giddens // New industrial wave in the West. Anthology. – M.: Academy, 1999.

2. Gelbreyt J. K. To Fair society / J. K. Gelbreyt // New post-industrial wave in the West. – M.: Aleteiy, 1970.

3. Markov B. V. Philosophical anthropology. History and theory sketches // B. V. Markov. – SPb. Fallow deer, 1997.

4. Smirnov A. Justice (Experience of contrast understanding) / A. Smirnov // Medieval Arab philosophy: Problems and decisions. – M.: East Literature, 1998. – Page 113-122.

5. Hufte O. Politische Gerechtigkeit / O. Hufte. – Fr. – am – Main: Suhrkamp Verlag, 1987.

6. Chukin S. G. Justice problem in a philosophical discourse of a postmodern /S. G. Chukin. – S. Petersburg.: S. Peterb. the state un-t. 2000. – 323 p.

УДК 340.12:177.9:343.211.4

Ковнеров А.

ассистент кафедры философии, социально-политических и правовых наук
Донбасского государственного педагогического университета

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯНИЯ И ВОЗДАЯНИЯ

В статье проводится анализ историко-философской и философско-правовой мысли по проблеме деяния и воздаяния в аспекте проблемы справедливости, права и нравственности.

Ключевые слова: право, нравственность, деяние, воздаяние, справедливость.

Ковнеров О.

ассистент кафедры философии, социально-политических и правовых наук
Донбасского державного педагогического университета

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ДІЯННЯ ТА ВІДПЛАТИ

Здійснюється аналіз історико-філософської та філософсько-правової думки щодо проблеми діяння і відплати в аспекті проблеми справедливості, права та моральності.

Ключові слова: право, моральність, діяння, відплата, справедливість.

Kovnerov A.

assistant to chair of philosophy, socio-political and legal sciences of
DVNZ «Donbass State Pedagogical University»

**HISTORICO-PHILOPHICAL ASPECT OF A PROBLEM
OF PROBLEM OF ACT AND REQUITAL**

In article the analysis, of historic – philosophical and legal thought on an act and requital problem in aspect of a problem of justice, the right and morality is carried out.

Question act and reward with full right can with number is perpetual problems of mankind Requirements compliance act and reward: in particular, the rights and duties coombemcmбue, labor and with attitude, merit and of recognition, crime and punishment associated of justice.

The problem act and reward, as and problem of justice is not only question the theory, but with associated is region virtually action and everybody should be personally with attitude man. In the history Patriotic philosophical and legal thoughts. Theory punishment as reward took imported Location. Therefore always in the center of attention remained philosophers and other scholars of law, especially in terms of lagel modern Ukrainian state.

In this work the problem of deeds and reward was explored in the context of law and morality and as a theoretical-methodological tools was used on one of the main works century Solovieva.

Burova M. explored in Russian philosophy of the problem of deeds and reward in the aspect of the dialectics of law and morality, good and evil.

G. Nazarenko in the course studies the problems of deeds and reward shows mechanism to respond to wrongful acts.

A. Rarog draws attention to the application of measures of exposure to the offender for the act committed by the state.

I. Foynychiy the study links to his teaching about punishment. N. Tygantcev shows the mechanism of relations between the state and the offender.

An important aspect of the study are theoretical characteristics signs of punishment, which defines A. Kistiakivsky.

Keywords: *right, moral, act, requital, justice.*

Постановка проблеми. Вопрос деяния и воздаяния с полным правом можно отнести к числу вечных проблем человечества. Требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания непосредственно связаны со справедливостью. Проблема деяния и воздаяния, как и проблема справедливости, является не только вопросом теории, но связана с областью практического действия и личного мироощущения каждого человека. В истории отечественной философско-правовой мысли теория наказания, как воздаяния, занимает важное место, поэтому всегда оставалась в центре внимания философов права и других ученых, особенно, в условиях современного правового украинского государства.

Анализ последних исследований. Автором статьи данный вопрос исследовался в диссертационной работе «Проблема справедливости в русской философии конца XIX – начала XX веков (историко-философский анализ)». В этой работе проблема деяния и воздаяния исследовалась в контексте права и нравственности, при этом, в качестве теоретико-методологического инструментария, был использован один из главных трудов Владимира Соловьева «Оправдание добра». В этой работе Соловьев рассматривает философско-правовой аспект деяния и воздаяния, определяет природу морально-правовых отношений и значение более справедливой, и человеколюбивой общественной опеки над преступником с перспективой его перевоспитания [6, с. 48-65].

М. Бурова исследовала в русской философии проблему деяния и воздаяния в аспекте диалектики права и нравственности, добра и зла. С ее точки зрения в русской философской традиции конца XIX – начала XX века выявляется сложная диалектика деяния-воздаяния, констатирующая, что зло вызывает зло, добро множит добро. В этой связи проведенный в исследовании М. Буровой анализ взглядов русских философов на проблему смертной казни, на наш взгляд, имеет особую актуальность в современных условиях, в связи с осмыслением реалий правового и нравственного сознания [1, с. 105-112].

Г. Назаренко в ходе исследования проблемы деяния и воздаяния показывает механизм реагирования на противоправные деяния, отмечая, что применение к преступнику таких мер наказания, как например, многолетние сроки заключения в местах лишения свободы, позволяют обществу получить моральное удовлетворение, почувствовать, что государство адекватным образом прореагировало на совершенное преступление [13, с. 156].

А. Рарог, разрешая проблему воздаяния за совершенное деяние, обращает внимание на то, что применение мер возмездия со стороны государства к преступнику, утоляет негодование, возникающее у людей, в связи с совершением преступления, возвращает уверенность в том, что государство является способным защитить их от преступников [14, с. 185].

И. Фойницкий свое учение о наказании, как воздаянии, связывает с принуждением, которое направлено против какого-то блага правонарушителя – его имущества, свободы и т. д. [17, с. 9].

Н. Таганцев, указывал: «... из понятия преступного деяния вытекает, что наказание представляется выражением того особого отношения, которое возникает между учинившим это деяние и государством...» [15, с. 8, 51].

А. Кистяковский в своих началах русского уголовного законодательства выделяет признаки наказания: это меры, которые по приговору принимаются против преступника; они причиняют ему страдания; наказание есть прямое следствие преступления; наказание является реакцией со стороны общества, интересы которого задеты преступлением [16, с. 686].

К исследованию по данной тематике были задействованы современные украинские философы, в частности: Г. Аляев, А. Бычко, И. Бычко, П. Гнатенко, Р. Додонов, В. Пронякин, А. Токовенко, В. Окороков, Ю. Шабанова, В. Ярошовец и др.

Цель исследования состоит в осуществлении историко-философского и философско-правового анализа проблемы деяния и воздаяния.

Изложение основного материала исследования. Исходя из того, что проблема деяния и воздаяния как возмездия, направленного на восстановление справедливости, восходит к древнейшим временам, автором статьи было принято решение исследовать данную проблему в историко-философском аспекте.

В ходе историко-философского анализа проблемы деяния и воздаяния, мы хотим более подробно показать, каким образом данный вопрос исследовался в других философских работах, в частности, в работе Ю. Кива-Хамзиной [5]. Рассматривая месть как одну из первых до государственных форм воздаяния, в первую очередь — за убийство, необходимо отметить, что она не имела под собой правовых, в современном понимании этого термина оснований, однако, была общепризнанным способом наказания за совершенное преступление и находила полное подтверждение своей правомерности в сакральных текстах. В Пятикнижии Моисея: «...убийцу должно предать смерти; мститель за кровь сам может умертвить убийцу. Лишь только встретит его, сам может умертвить его. Если кто толкнет кого по ненависти, или с умыслом бросит на него что-нибудь так, что тот умрет, или по вражде ударит его рукою так, что тот умрет, то ударившего должно предать смерти: он убийца; мститель за кровь может умертвить убийцу, лишь только встретит его».

Как показал нам анализ проблемы исследования, в процессе становления общественных отношений месть пытались включить в систему правил, требующих от лица мстящего не переступать определенных границ. Это имело свои основания в том, что изначальное право мести освобождало исполнителя от любых обязательств, позволяя все вплоть до клятвопреступления. Другой причиной попыток ограничить реализацию кровной мести было отсутствие в этом виде наказания разумных пределов, что влекло за собой бесконечный ряд ответных актов возмездия. Отголоски этих процессов обнаруживаются уже в легенде о братоубийце Каине, когда Яхве своими словами «всякому, кто убьет Каина, отмстится в семеро» не позволяет семейству Адама втянуться в войну на истребление. В приведенном примере мы видим один из наиболее важных в нашем случае аспектов проблемы, а именно — возмездие может, а в ряде случаев должно иметь ограниченный характер. Но подобное ограничение не касается самого верховного существа, которое воздаст человеку так, как считает нужным. Это можно наблюдать, например, при обращении к древнегреческой мифологии, где Прометей, Тантал, Сизиф терпят ужасные муки за свои проступки перед богами, однако говорить об адекватности наказания проступку в данных случаях не приходится. То же самое можно сказать и об истории Троянской войны, описанной в «Илиаде» Гомера, когда наказанием за похищение Елены становится гибель целого царства, а определяющую роль в трагедии Илиона играют оскорбленные чувства соперничающих друг с другом олимпийских божеств.

Историко-философская мысль, применительно к человеку представляет нам утверждение о необходимости адекватных ответных мер. Так например, в

законх Хаммурапи [7] «широко применялся принцип воздаяния равным за равное, буквально соответствовавший библейскому «око за око». Преступивший закон восполнял урон, который он нанес, и отвечал своей жизнью за смерть другого свободного человека, даже если эта смерть не являлась следствием предумышленного убийства. Закон требовал смерти недобросовестного строителя, по чьей вине обрушился дом и погиб его хозяин, и смерти сына строителя, если под развалинами погиб сын хозяина дома».

Упомянутый фрагмент Ветхого Завета также декларировал принцип соответствия наказания совершенному проступку: «И сказал Господь Моисею: Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее, скотину за скотину. Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее; а кто убьет человека, того должно предать смерти».

В приведенных примерах мы имели дело в первую очередь с воздаянием как возмездием, которое совершается над человеком либо антропоморфным божеством, либо самим человеком над себе подобным. В первом случае говорить о восстановлении некоей высшей справедливости не представляется возможным, ввиду того, что сами олимпийцы подчинены велениям рока и должны следовать своему жребию. Во втором случае это тем более невозможно, так как несовершенное существо обязано следовать предписаниям божества, но при этом постоянно должно помнить, как отражено в «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», что истинным воздаятелем является только Творец, который сам совершенно определенно установил распределение ролей: «Мне отмщение и Аз воздам» — «У меня отмщение и воздаяние», «ибо близок день гибели их, скоро наступит уготованное для них». Нам кажется, что именно здесь впервые с достаточной полнотой проявляются интересующие нас аспекты исследуемой проблемы, а конкретно — воздаяние как способ взаимодействия абсолюта с сотворенным им миром.

Наиболее остро и откровенно вопрос о воздаянии был поставлен в таком виде анонимным автором «Книги Иова». Мысль о том, что воздаяние само по себе выступает, как особая форма отношений между человеком и абсолютном, включена здесь в контексте сложных философских построений о сути волений и хотений верховного существа, о причинах поущения зла на земле и т.п. В то же время вопрос о том, насколько справедливо воздаяние, исходящее от горнего мира в данном тексте не возникал, хотя одной из причин представленного в «Книге Иова» финала, как справедливо отмечал еще Филарет, было учение «мудрых» о воздаянии. Раскрывая поднятие «мудрых», Филарет отождествляет их с «классом людей», который «у греков в то время назывался философами» и вслед за автором библейского текста подтверждает принципиальную невозможность, как рационального решения самой проблемы, так и осмысления ее «справедливой» составляющей человеческим рассудком. Необходимо сказать, что такое решение названного аспекта проблемы осталось

неизменным вплоть до наших дней, что объясняется заданными христианским канонем «правилами игры» [10, с. 355].

Другим направлением в исследовании воздаяния традиционно является анализ ее эсхатологической составляющей. Это можно видеть на примере статей фундаментального «Полного Православного Энциклопедического словаря» (1912 г.). Само понятие воздаяния для авторов данного издания связано в первую очередь с эсхатологической линией Библии. У евреев это понятие имело широкий смысл, служа указанием времени вообще, как, например, «день Иеговы», то есть время божественного воздаяния»; фарисеи «веровали в бессмертие души, воскресение мертвых и будущее воздаяние; души благочестивых снова соединятся с телами другими, более чистыми, и будут жить в царстве Мессии». При этом христианские экзегеты неоднократно отмечают, что воздаяние может быть как поощряющим, так и репрессивным. Так, совесть «производит в человеке, с одной стороны, беспокойство и боязливость, а с другой — мучительное ожидание будущего воздаяния». Но тем не менее именно без репрессивного воздаяния иудео-христианская система немыслима. И вряд ли случайно, что в числе двенадцати анафемствований, провозглашаемых от имени церкви во время недели православия на втором месте находится анафема «всем, отвергающим необходимость пришествия на землю, страдания и смерти Сына Божия для спасения человека, приснодевство Пресвятой Богородицы, бессмертие души, кончину века, суд и вечное воздаяние по делам».

Если же говорить о философском взгляде на проблему, то здесь имеется ряд отличительных черт, вызванных самой природой собственно философского дискурса, не склонного к догматизму и безоговорочному признанию авторитетов. Так, Дидро, говоря о воздаянии, приходит к парадоксальному выводу: «Если почитаемый бог есть лишь существо, имеющее власть над своим созданием, которое воздает ему почести только по причине рабского страха или корыстной надежды, а также, если ожидаемое воздаяние или наказание, которого оно боится принуждает его делать добро, к которому оно испытывает отвращение, или отказаться от зла, которое его привлекает, то мы доказали, что в создании этом нет ни добродетели, ни добра». Здесь мы видим, как, не отрицая рассматриваемый нами атрибут верховного существа Дидро, тем не менее, достаточно убедительно отрицает возможность установления нравственного порядка на земле именно через воздаяние, даже если оно исходит непосредственно от Абсолюта [3, с. 146].

Кант представлял антагонистическое французскому материализму направление в философии. Рассматривая вопрос о согласии политики и морали, указывал в своем философском проекте «К вечному миру», что «каждый уверен относительно себя самого, что он свято хранил бы понятие права и верно следовал бы ему, если бы он мог ждать того же от любого другого; это гарантирует ему отчасти государство, совершая тем самым большой шаг в сторону моральности, который (не будучи еще моральным шагом) превращает понятие о долге в самоцель без мысли о воздаянии» ставя, таким образом,

право и самосознание субъекта выше карательных потенций творца мира земного и мира небесного [4, с. 222-223].

Гегель в свою очередь рассматривал вопрос о воздаянии в разных контекстах. Например, в религиозном аспекте воздаяние для него выступает как специфическая форма отношений человека и божества: «... Он за свои дары получает воздаяние от благодарного божества и доказательства его благоволения, в котором он связал себя с божеством посредством труда, не в надежде и не в будущей действительности, а оказывая почести и принося дары, он непосредственно наслаждается своим собственным богатством и убранством». В том же случае, когда дело касалось правовых аспектов проблемы, Гегель вопрос о воздаянии решает по-другому, исключая понятие воздаяния из своих построений. Это можно видеть, в первую очередь, при анализе того, как Гегель работает с источниками, которые были использованы при написании «Философии права». Убедительным подтверждением наших слов может служить фрагмент, который комментирует гегелевское понимание вопроса мести: адекватность данного «наказания» совершенному преступлению и т. д. Апеллируя к Грисхайму, Гегель приводит следующие мысли современника: «Наказание может иметь место только в государстве, вне его оно является мстящей справедливостью. На ранней стадии развития государства справедливость есть месть, и от субъективной воли потерпевшего зависит, заставит ли он преступника претерпеть то, что он заслужил. Мечь здесь вообще деяние возмездия, относящееся к особой воле, все зависит от того, хочет ли эта воля отомстить; человек может отвлечься от качественного и количественного объема того урона, который был ему нанесен, и может воспринять нарушение своих прав как бесконечное, поскольку он был поражен в своих правах как свободный субъект. Абстрактная свобода в качестве абстрактной не ограничена, не имеет определенного объема. Следовательно, нарушение абстрактной свободы есть бесконечное нарушение, поэтому воздаяние также может быть бесконечным» [2, с. 301-304].

Благодаря усилиям немецкой классической философии вопрос о воздаянии был снижен до уровня правовой проблематики, однако русская философия в XIX-начале XX вв. вновь вывела вопрос на уровень отношений в системе «абсолют-человек», одновременно усилив морально-этическую составляющую вопроса. Яркий пример позиции русских мыслителей мы видим в размышлениях известного юриста и философа Б. Н. Чичерина: «...Нравственный закон, который, безусловно, обещает исполнителю справедливое воздаяние, раскрывает нам, почему в настоящей жизни добродетель не только не может, но и не должна получить ожидающей ее награды. Если бы добродетель сама собою вела к полному удовлетворению человека, то не было бы заслуги, не было бы и вины» [11, с. 250-252].

При анализе современных исследований по интересующей нас тематике сразу привлекает внимание тот факт, что собственно проблема воздаяния находится на научной периферии, выступая в качестве частного случая проблемы справедливости. Мы можем видеть это, как в работах, посвященных юридическим аспектам проблемы справедливости, так и в чисто философских

трудах. Достаточно много внимания уделяется религиозным аспектам воздаяния в работах, связанных с изучением взглядов русских мыслителей, творивших на рубеже XIX-XX веков. Если же говорить о работах, которые посвящены непосредственно проблеме воздаяния, то из их небольшого числа можно особо выделить две. Первая рассматривает частное и особенное в понятии воздаяния, сформировавшемся в обыденном сознании христиан и буддистов (И. Левит) [8], вторая — исследует историю идеи посмертного воздаяния (В. Мейстер) [12]. В первом случае проводится отделение понятия воздаяния в народной религиозности от понятия воздаяния, присущего богословию. Хотя одновременно отмечается структурообразующая роль догматики. При этом исследователь подчеркивает, что «понятие о воздаянии формулируется и фиксируется» именно «догматической традицией, где и существует как более или менее оформленная философская концепция», и только затем «через посредника (в форме проповеди или духовной литературы) эта концепция, будучи востребованной аудиторией, попадает в сферу устной коммуникации». Достаточно важными представляются нам и те утверждения исследователя, где речь идет о том, что воздаяние есть понятие, «в котором наиболее тесно взаимодействуют церковь и верующий мир», что «в понимании мирянина воздаяние является в значительной мере церковной прерогативой, превращая его из теоретического понятия в фактор регламентации повседневной жизни; наполняя его социальным значением», что собственно религиозной концепции воздаяния присущи такие черты как «теоретичность, системность и законченность», утрачиваемые в народном сознании. В монографии В. Мейстера представлено большое количество интереснейшего фактического материала. Так, рассматривая связку «воздаяние-мораль», исследователь отмечает: «Богословы и фидеисты, например, полагают, что загробное воздаяние учреждено Всевышним в качестве основы морали. Так, даже приспособившись к условиям «победившего социализма», заявляя, будто «Программа КПСС» предназначена для претворения в жизнь многих заветов Евангелия, Русское православие в лице одного из своих маститых теологов не изменяло традиционной оценки воздаяния после смерти. Трудно даже представить себе, «до каких ужасов греховной мерзости доходили бы люди, если бы оставались бессмертными», если бы бог не «положил предел человеческой жизни в виде смерти, назначив за порогом этой смерти свой суд»» и заключает, что «традиционная оценка функции идеи загробного воздаяния господствует и в современном богословии». Однако ценность данной работы во многих случаях снижается из-за жесткого классового подхода автора к рассмотрению интересующей его проблематики. К примеру, как считает В. Мейстер, для того, «чтобы разобраться в сущности идеи загробного воздаяния, понять ее основную функцию, целесообразно попытаться с научных позиций раскрыть механизм ее становления и функционирования и, в частности, решить проблему ее социальных корней». Подобная постановка вопроса представляется вполне оправданной и рациональной. Тем более, что затем автор, противопоставив друг другу идеалистический и материалистический взгляды на исторический процесс, приходит к значимому выводу о том, «в

рамках материалистического понимания истории определяющей причиной появления идеи посмертного воздаяния считается тяжёлый и безысходный классово-социальный гнет. Казалось бы, поэтому такая идея должна была бы закономерно появляться везде, где существовал такой гнет. Но она не обнаружена в религиях многих классово-эксплуататорских государств, несмотря на долгое существование в них тяжелого и неустранимого классового гнета. Не найдена она в большинстве первичных восточных (азиатских) классовых обществ за исключением Египта и Индии». Однако далее в работе все равно доминирует тот самый классовый подход, который, по словам самого автора, не всегда дает объективные результаты в исследуемой области [9, с. 123-125].

Выводы

Автором в настоящей статье осуществлен историко-философский и философско-правовой анализ проблемы деяния и воздаяния, которая занимает важное место в истории отечественной и зарубежной философской и правовой мысли. В результате полученных данных мы можем прийти к выводу о том, что говорить об окончательном философском разрешении проблемы воздаяния пока нет возможности. Находясь на стыке философско-правовых, морально-этических и религиозных проблем, вопрос о воздаянии по настоящее время остается открытым, хотя его относительно полное разрешение, как нам кажется, может быть небесполезным для установления значимых связей между этими сферами человеческого знания. Таким образом, теоретический материал, который отражен в данной статье, дает нам основание для проведения дальнейших исследований, с целью установления более действенного и справедливого философско-правового механизма определяющего применение наказания за содеянные деяния.

Література

1. Бурова М. Л. Проблема справедливости в русской социально-философской мысли конца XIX – начала XX вв.: дис. к. ф. н.: 09.00.11 / М. Л. Бурова. – Санкт Петербург, 2003. – 161 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель — М.: Мысль, 1990. - 484 с.
3. Дидро Д. Принципы нравственной философии, или опыт о достоинстве и добродетели / Д. Дидро // Антология мировой философской мысли. — М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2004. — С. 146.
4. Кант И. К вечному миру. Философский проект: Перевод А. В. Гулыги // Антология мировой философской мысли / И. Кант — М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2004. — С. 222-223.
5. Кива-Хамзина Ю. Л. Философский анализ проблемы воздаяния: онтологические аспекты: дис.: канд. филос. наук: 09.00.01 Ю. Л. Кива-Хамзина – Магнитогорск, 2006, 152 с.
6. Ковнеров А. А. Проблема справедливости в русской философии конца XIX – начала XX вв.: дис. к. ф. н.: 09.00.05 / А. А. Ковнеров. – Днепропетровск, 2013. – С. 48-65.

7. Кувшинская И. В. Хаммурапи кодекс // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия / И. В. Кувшинская — М.: Кирилл и Мефодий, 2005.
8. Левит И.В. Понятие воздаяния в обыденном религиозном сознании христиан и буддистов: общее и особенное: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук (09.00.06). — Санкт Петербург, 1999. — 17 с.
9. Мейстер В. Б. Посмертное воздаяние: К истории идеи / В. Б. Мейстер — М.: Изд-во «Горизонт», 1999. — 136 с.
10. Филарет Происхождение книги Иова. Биобиблиологическое исследование. — Киев: Тип-я губернского управления, 1872. — 377 с.
11. Чичерин Б. Н. Наука и религия / Чичерин Б. Н. — М.: Республика, 1999. — 455
12. Экхарт, И. (Мейстер). Духовные проповеди и рассуждения. Репринтное издание 1912 г. // Экхарт, И. (Мейстер). Духовные проповеди и рассуждения. — М.: Политиздат, 1991. — С. 24-127.
13. Назаренко Г. В. Уголовное право: Курс лекций / Г. В. Назаренко. — М.: Осъ — 89, 2005. — С. 156.
14. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / А. И. Рарог. — М.: Знание, 2008. С. 185.
15. Таганцев Н. С. Русское уголовное право Т.2 / Н. С. Таганцев. — Тула: 2001. С. 8, 51.
16. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая / А. Ф. Кистяковский. — Киев, 1890. С. 696.
17. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. — М.: 2000. С. 9.

REFERENCES:

1. Burova M. L. (2003). Justice problem in the Russian social and philosophical thought of the end of XIX – the beginnings of the XX century. St. Petersburg, 161 p.
2. Gegel G. V. F. (1990). Legal philosophy. Thought. M. 484 p.
3. Diderot D. (2004). The principles of moral philosophy, or experience about the advantage and virtue. Direct. Media of Publishing. M. 146 p.
4. Kant I. (2004). To an everlasting peace. Philosophical project. Direct. Media of Publishing. M. 223 p.
5. Kiva-Hamzina Yu. L. (2006). Philosophical analysis of a problem of requital: ontologic aspects. Magnitogorsk. 152 p.
6. Kovnerov A. A. (2013). Justice problem in the Russian philosophy of the end of XIX – the beginning of the XX centuries (the historic-philosophical analysis). Dnepropetrovsk. 188 p.
7. Kuvshinsky I. V. (2005). Hammurapi codeks. Kirill and Mefodiy. M. 121 p.
8. Levite I. V. (1999). Concept of requital of ordinary religions consciensness of Christians and Buddhists: the general and special. St. Petersburg. 17 p.
9. Meyster V. B. (1999). Posthumous requital: To idea history. Horizon. M. 136 p.

10. Philaret (1872). Origin of the book of Lov. Printing house of provincial management. Kiev. 377 p.
11. Tchitcherin B. N. (1999). Science and religion. Republic. M. 455 p.
12. Echart, I. (Meyster) (1991). Spiritual sermons and reasonings. Politizdat. M. 127 p.
13. Nazarenko G. V. (2005). Criminal law. Axis – 89. M. 156 p.
14. Rarog A. I. (2008). Criminal law of Russia. Knowledge. M. 185 p.
15. Tagantsev N. S. (2001). Russian criminal law. Tula. 51 p.
16. Kistyakovskiy A. F. (1890). The elementary textbook of the General criminal law with a detailed statement of the beginnings of the Russian criminal legislation. Kiev. 696 p.
17. Foynitsky I. Ya. (2000). The doctrine about punishment in connection with a tyurmovedeniye. M. 9 p.

УДК 930.1+327](477+470+571),,20”

Полуденко С.

кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії, соціально-політичних і правових наук Донбаського державного педагогічного університету

ІСТОРИЧНИЙ КОНТЕКСТ ПОГЛИБЛЕННЯ ПОЛІТИЧНОЇ КРИЗИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ

У статті розкрито історичний контекст загострення політичної кризи в сучасному українському суспільстві, розглянутий з позицій філософської рефлексії. Виявлено соціальні, економічні та культурні протиріччя цивілізаційного поступу українського народу до власного самовизначення та розвитку. Проаналізовано кореляцію внутрішніх і зовнішніх факторів у сучасному українському політичному процесі.

Ключові слова: криза, політика, стратегія, менталітет, світогляд, цінності.

Полуденко С.

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социально-политических и правовых наук Донбасского государственного педагогического университета

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ УСИЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В статье с позиций философской рефлексии рассматривается исторический контекст обострения политического кризиса в современном украинском обществе. Выявлены социальные, экономические и культурные противоречия цивилизационного восхождения украинского народа к собственному самоопределению и развитию. Проанализирована корреляция внутренних и внешних факторов современного украинского политического процесса.

Ключевые слова: кризис, политика, стратегия, менталитет, мировоззрение, ценности.